

в особый подраздел в каждом очерке. В семье происходит передача этнокультурной информации, она играет главную роль в воспроизводстве этноса и социализации личности⁶. Видимо, в ГДР этнографическое исследование семьи не заняло еще должного места. В последнее время в разных странах появилось много социологических исследований о семье, но семья объект не только социологического исследования, в не меньшей степени она интересует этнографов.

В целом же рецензируемое исследование, безусловно, заслуживает внимания. Впервые в немецкой литературе так четко рассматривается культура и быт сельского населения с учетом его социальной дифференциации. Остается пожелать нашим немецким коллегам дальнейших успехов в разработке этой темы.

Т. Д. Филимонова

⁶ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 369.

I. T a l v e. Suomen kansankulttuuri. Historiallisia päälinjoja. Suomen Kirjallisuuden Seura. Helsinki. 2 painos. Mikkeli, 1980. 403 s.

В 1980 г. вышло в свет второе издание книги финского этнографа И. Тальвэ «Финская народная культура. Основные черты исторического развития». Второе издание потребовалось уже через год после первого, в значительной мере потому что, несмотря на традиционное название, эта книга представляет собой в финской этнографии исследование нового типа. Напомним, что недавно, в 1975 г., появилась солидная, прекрасно иллюстрированная книга Тойво Вуорела под сходным названием «Народная культура финнов»¹. Однако эти две работы отнюдь не дублируют друг друга. Книга Т. Вуорела написана в духе традиционной финской этнографии, и автор ее расходится с И. Тальвэ уже в самом понимании народной культуры. Т. Вуорела, по его собственным словам, под народной культурой понимает лишь крестьянскую культуру, противопоставляя ее культуре высших слоев общества. Он считает, что народная культура — это культура эпохи феодализма, которая в ходе индустриализации и урбанизации постепенно исчезает. И. Тальвэ, напротив, уже в предисловии к своей книге говорит, что под народной культурой он понимает культурные традиции, присущие основной массе народа. Соответственно он не ограничивает ее существование доиндустриальным периодом и не считает носителем ее одно крестьянство: в наши дни, когда центр тяжести культуры широких слоев финского народа переместился в город, она стала городской культурой.

Работа И. Тальвэ рассчитана в первую очередь на студентов-этнографов и специалистов в этой области знания. Автор предупреждает читателя, что он не сможет показать народную культуру финнов во всех деталях. Его цель — отразить основные тенденции ее развития. В ходе изложения автор уделяет первостепенное внимание анализу факторов, определявших на разных исторических этапах развитие народной культуры финнов, и это, на наш взгляд, важнейшее достоинство его работы, придающее ей должный историзм. И. Тальвэ особо подчеркивает необходимость историзма в этнографическом исследовании, ибо, как он напоминает, самый факт преемственности культурных традиций уже включает в себя понятие исторического развития.

Несмотря на то, что книга Тальвэ сравнительно невелика, круг вопросов, рассматриваемых им, очень широк: это и материальная, и духовная культура финнов, включая народные верования и фольклор. В этом отношении Тальвэ отстает от традиции финских этнографов, не включающих верования и поэтическое и музыкальное творчество народа в темы своих исследований. Он подчеркивает, что народная культура представляет собой некую целостность, в которой все явления взаимосвязаны и даже подразделение ее на материальную и духовную сферы в значительной мере условно, с чем нельзя не согласиться.

Книга состоит из 16 глав: «Поселения и постройки», «Традиционные хозяйственные занятия», «Средства передвижения, обмен и торговля», «Пища», «Одежда», «Текстиль и народное искусство», «Социальные и хозяйственные институты», «Обряды жизненного цикла», «Календарные праздники», «Народные верования», «Фольклор», «Народная музыка», «Танцы и игры», «Города и промышленные поселки». Книге предпослано Введение и заключается она главой «Общая картина народной культуры».

Большая часть глав невелика — 25—30 страниц, но написаны они очень емко, включают много статистических данных и рассматривают явления в их временной и территориальной изменчивости.

По составу глав и их содержанию некоторые сомнения вызывают, пожалуй, лишь главы «Одежда» и «Текстиль и народное искусство». Объем главы «Одежда», как представляется, чересчур мал — всего 8 страниц. Правда, и при этом автор выразительно показывает историю изменения одежды, однако не менее важный вопрос — формирование локальных особенностей костюма — остается на втором плане. К тому же автор выражает мнение, что приходские комплексы одежды складываются у финнов лишь в XVIII в., т. е. значительно позже, чем, например, у эстонцев. Вероятно, аргументацию такой датировки следовало бы обосновать более развернуто.

¹ Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo, 1975.

Производство текстильных изделий стоило бы отделить от народного искусства. Конечно, последнее в значительной своей части связано у финнов с текстильными изделиями, но разделы о росписи по дереву и художественной ковке выглядят в этой главе чужеродными. К тому же техника мужских домашних ремесел по большей части остается вне поля зрения автора.

Остановившись на содержании всех глав работы в краткой рецензии не представляется возможным. Мы рассмотрим некоторые из них, и прежде всего Введение. В нем автор излагает свою задачу и методологические установки. Опираясь на данные разных дисциплин, он рисует совокупность природных, экономических и социальных факторов, воздействовавших на формирование финской народной культуры. Значительная часть Финляндии расположена в широтах, где невозможна культивация зерновых и вообще ограничены пригодные для земледелия почвы. Поэтому население и сельское хозяйство сконцентрированы в основном в юго-западной части страны. Это прослеживается по археологическим материалам. Коротко обрисовав историю расселения и миграционных процессов, И. Тальвэ переходит к рассмотрению социальной структуры населения. Рассмотрев историю развития крестьянского и поместного землевладения (в том числе церковных, государственных и выделенных для содержания войск земель), автор показывает, что страна в прошлом делилась на две части примерно по линии Пори — Тампере — Выборг. Население Юго-Запада было весьма сложным в социальном отношении, здесь концентрировались помещицы, государственные и церковные земли, здесь рано началось и затем интенсивно шло социальное расслоение крестьянства. Кроме того, именно на Юго-Западе возникли первые города и раньше, чем в других частях, стала развиваться промышленность. На Востоке поместное землевладение получило слабое развитие, а крестьянство было относительно гомогенным.

Введение написано очень сжато, но это отнюдь не «беглый набросок», а результат предшествующего исследования, опубликованного автором в 1972 г. и посвященного анализу факторов, определявших историю формирования народного быта финнов².

Большую часть книги занимает анализ культуры крестьянства; быт горожан и жителей промышленных поселков изложен лишь в одной главе. В известной мере такое соотношение разделов связано с недостаточной изученностью этой сферы народного быта. Напомним, что 25 лет назад И. Тальвэ был первым в Финляндии этнографом, обратившимся к изучению быта рабочего и городского населения. Он и в дальнейшем способствовал изучению этих вопросов, привлекая молодых этнографов университета в Турку. Но еще и теперь рано говорить о достаточно выработанной методике изучения городского быта, спорны рамки и цели исследований. Как известно, эти трудности знакомы не только финским этнографам. Глава «Города и промышленные поселки» вышла поэтому несколько схематичной и в значительной мере посвящена определению проблем и вопросов, подлежащих дальнейшему изучению.

Формы городского быта финнов автор разделяет на два периода: первый — от средневековья до 1870-х годов и второй, период индустриализации и урбанизации, — с 1870 по 1970 г. (промышленные поселки рассматриваются особо). В ходе первого периода число городов и их население росли в Финляндии очень медленно. Финское городское население сохраняло в это время в своем быту и культуре много черт, связывающих его с крестьянством, а сельское хозяйство служило для него заметным подспорьем.

Второй этап отличался прежде всего необычайно быстрым ростом городского населения: за 100 лет оно выросло с 7 до 60% от общей численности населения страны. Так, в Хельсинки в 1870 г. было немногим более 28 тыс. жителей, а в 1974 г. его население уже приближалось к полумиллиону. С конца XIX в. в города устремились безземельные крестьяне, а также рабочие — лесорубы и сплавщики. И. Тальвэ совершенно справедливо говорит о том, сколь сложна была для них адаптация в городе. Нужно было не только освоить новые формы труда, но и приспособиться к иным формам общественных отношений как на работе, так и в домашнем быту. Города со своей стороны также не были готовы принять такой приток населения: отсутствовал не только необходимый жилищный фонд, но не были достаточно развиты и формы снабжения населения. Автор коротко говорит о становлении различных традиций у городского населения, новых формах контактов, времяпрепровождении, останавливается на воздействии культуры привилегированной части населения на широкие слои горожан и т. д. Несомненно, эта глава может заинтересовать советских этнографов, занимающихся сложными проблемами изучения города.

Следует остановиться также на обширной заключительной главе, в которой рассматривается временная и локальная изменчивость народной культуры финнов. Прежде всего автор предлагает свою периодизацию народной культуры, отличную от периодизации гражданской истории, где между историческими этапами нередко существуют четкие рубежи. Для народной культуры экономические кризисы и исторические катаклизмы могут также предвещать конец определенного периода. Но новые этапы народной культуры всегда связаны с возникновением и распространением каких-то новшеств, а это может происходить лишь при оживлении экономики. Далее, между отдельными периодами народной культуры всегда наблюдаются более или менее длительные переходные этапы. Против этих положений автора, как и против его тезиса, что решающие изменения в народной культуре имеют предпосылки в экономическом строе общества, вряд ли можно что-либо возразить.

В развитии финской народной культуры И. Тальвэ выделяет средневековый период (до XVI в.), затем переход к Новому времени (начало XVI в. — 1730 г.), следующий

² *Talve I. Suomalaisen kansanelämän historialliset taustetekijät. Forssa, 1972.*

период он называет «народная культура в гетерогенном обществе» (1730—1860 гг.), затем следует «Культура в эпоху индустриализации» (1860—1960 гг.) и, наконец, современный период — «Народная культура в индустриальном обществе».

Автор начинает характеристику периодов с картины этнокультурной ситуации, которая сложилась на территории Финляндии в XIII в., когда страна была завоевана Швецией. К этому времени на территории страны сформировались две культурные области — Юго-Западная и Юго-Восточная. Образование их было связано с историей заселения, этническим составом, спецификой хозяйства и культурных контактов, в западной части — преимущественно со Скандинавией, в восточной — с Новгородским миром. Таким образом, различия в культуре населения западной и восточной частей страны имеют очень древние корни. Не совсем ясно только, почему автор столь категорично утверждает, что из всех прибалтийско-финских народов только у финнов в развитии культуры столь явное влияние имели как восточные, так и западные черты (с. 280). Для Восточной Прибалтики, которую принято рассматривать как особую историко-культурную область, одной из важнейших характеристик является именно сочетание в культуре ее народов западных, и восточных элементов. Это относится и к культуре эстонцев, принадлежащих, как и финны, к числу прибалтийско-финских народов.

Из характеристики культуры финнов в разные периоды особенно интересен современный этап. Тальвэ отмечает, что анализировать культуру, сформировавшуюся в индустриальном обществе, трудно уже потому, что отпали прежние характеристики народной культуры — ее устойчивость и традиционность. Однако, как и прежде, говорит он, существует реальный мир «маленького человека». В этом разделе автор коротко рассматривает основные тенденции в развитии материальной культуры (в жилище, одежде, пище и др.), некоторые черты семейной жизни, формирование новых обычаев и приводит, несмотря на некоторую схематичность изложения, интересные данные и соображения. Особо останавливается он на формах проведения досуга, подчеркивая, что свободное время является одной из основных ценностей современного общества. Он считает, что изучение способов проведения свободного времени должно дать важные результаты.

После рассмотрения основных периодов развития народной культуры Тальвэ переходит к проблеме этнографических областей и подобластей в Финляндии. В этой связи необходимо упомянуть, что автором уже опубликовано специальное исследование о формировании этнографических границ и областей Финляндии³.

Основная этнографическая граница, разделяющая страну на западную и восточную области, идет примерно от устья р. Кюми к центру страны, где расположен г. Тампере, и далее на северо-запад, к г. Оулу.

Западную область И. Тальвэ подразделяет на три подобласти: Юго-Западную, Южную Похьянмаа и Центральную Похьянмаа. Восточная также делится на три части: Юго-Восточную, Центральную саво-карельскую область и Северную (состоящую из Северной Похьянмаа и Лапландии). Давая характеристику каждой из подобластей, автор рассматривает и развитие их культуры в разные выделенные им исторические периоды.

В заключение можно сказать, что книга написана целенаправленно, основные положения и построения автора хорошо аргументированы, и вся картина развития финской народной культуры дана четко, стройно и убедительно. Включение в работу материалов по современности представляется особенно интересным. Нельзя не почувствовать, какая большая исследовательская работа стоит за этой публикацией. Несомненно, эта книга И. Тальвэ — большой его успех и новое слово в финской этнографии.

А. Вийрес, Н. В. Шлыгина

³ *Talve I. Suomen kulttuurirajoista ja — alueista. Suomen Tiedekatemian esitelmät ja pöytäkirjat. Helsinki, 1971.*

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

A. Janata. Schmuck in Afghanistan. Photos R. Braunmüller. Graz, 1981. S. 2125. Tafeln, Bibliographie.

Выход в свет книги известного австрийского исследователя и музейного деятеля Альфреда Янаты «Украшения Афганистана» — важное событие для тех, кто занимается искусством азиатских народов. Она еще раз демонстрирует все усиливающийся интерес во всем мире к традиционному ювелирному искусству народов Востока. В 70-х годах почти одновременно в разных странах были опубликованы исследования и альбомы об украшениях арабов, персов, индийцев, корейцев и др. (работы Р. Кольер, Ю. Стилмен, Р. Хоули, Р. Бирх, Ф. Брюнел и др.)¹. Теперь для европейского читателя буквально «открыты» украшения из Афганистана.

¹ *Colyer R. Bedouin Jewellery in Saudi Arabia. L., 1978; Stillman Y. K. Palestinian Costume and Jewellery. Albuquerque, 1979, XV; Hawley R. Omani Silver. L. — N. Y., 1978; Birch P. C. Schmuck aus Persien Sammlungskatalog. Pforzheim, 1974; Brunel F. Jewellery of India. Five Thousand Years of Tradition. New Dehli, 1972.*